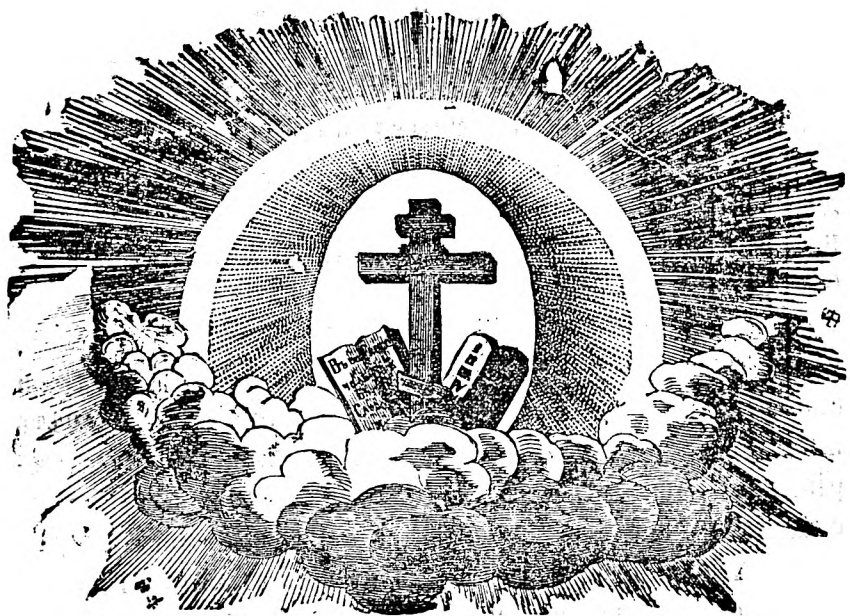

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 іюня. № 11. 1882 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Договоры прихожанъ съ духовенствомъ о вознагражденіи за требы и сборы.

Вопросъ объ обезпеченіи духовенства продолжаетъ быть открытымъ. Но важнѣе этого вопроса тотъ вопросъ, какъ измѣнить настоящее положеніе духовенства и отношенія его къ прихожанамъ. Положеніе это какое-то приниженное, зависимое отъ воли

и расположенія прихожанъ. Получая главное содержаніе свое отъ dobroхотныхъ подацій прихожанъ за разныя требованія, духовенство нисходитъ до положенія нищихъ. Такое положеніе, очевидно, не соотвѣтствуетъ его призванію и сану. Отсюда и отношенія его къ прихожанамъ становятся ненормальными; духовенство какъ бы связано по рукамъ и ногамъ; дѣятельность его не имѣетъ надлежащей свободы; вліяніе его не имѣетъ и не можетъ имѣть пастоящей силы. Извѣстно, что зависимость матеріальная—самая тяжелая зависимость. Кто бы не пожелалъ освободиться отъ этой зависимости? Духовенство не разъ, а постоянно заявляло и заявляетъ о неестественности своего положенія въ этомъ отношеніи и о настоятельной нуждѣ исхода изъ него. Но этотъ исходъ до сихъ поръ еще не найденъ.

Думали и думаютъ найти выходъ изъ него чрезъ отмену разныхъ поборовъ съ прихожанъ за требованія и замѣну ихъ особыми, основанными на взаимномъ согласіи договорами прихожанъ съ духовенствомъ о вознагражденіи за требы опредѣленнымъ взносомъ съ души. Въ послѣднее время, по почину самого духовенства, число подобныхъ договоровъ увеличивается все больше и больше. Мы не будемъ перечислять ихъ здѣсь. Мы поставимъ вопросъ: насколько прочны эти договоры и измѣняютъ ли они къ лучшему положеніе духовенства? Нѣсколькихъ лѣтъ практики этихъ договоровъ уже достаточно для того, чтобы убѣдиться, что на нихъ нельзя полагаться. Въ Пермскихъ Еп. Вѣдомостяхъ разсказаны любопытные факты, изъ которыхъ видно, какъ не тверды бываютъ эти договоры, какъ

легко и скоро они измѣняются, или совсѣмъ отмѣняются по случайнымъ причинамъ. Въ с. Дальне-Дубровскомъ (оханскаго уѣзда, Пермской губ.) въ 1874 г., по добровольному соглашенію прихожанъ съ духовенствомъ, рѣшено было все сборы и плату за требы замѣнить опредѣленнымъ сборомъ съ души. По этому договору содержаніе причта опредѣлялось такъ: настоятелю 600 руб., его помощнику 500 руб., діакону на вакансіи псаломщика 180 р. и 60 руб. квартирныхъ, двумъ псаломщикамъ по 180 р. въ годъ. Въ первый годъ выдача жалованья хотя и съ задержками, иногда мѣсяца на 2 и на 3, производилась довольно исправно. Но затѣмъ дѣло пошло хуже. Нужно замѣтить, что приходъ с. Дальне-Дубровскаго состоитъ изъ двухъ волостей; и вотъ переменною старшины въ одной изъ волостей приговоромъ схода жалованье духовенству понижено на 10 к. съ души. Такъ какъ чрезъ это общая сумма дохода понижалась значительно, то духовенство не согласилось на пониженіе, и пришлось въ этой части прихода обратиться къ прежнему способу полученія, т. е. брать плату за требы и ѣздить по приходу за сборами; другая же волость платила исправно условленное обложеніе съ души. Но въ настоящее время по разнымъ причинамъ разстроилось и это соглашеніе, такъ что въ отношеніи всего прихода пришлось возвратиться къ прежнему порядку полученія дохода.

Нужно полагать, что фактъ этотъ далеко не единственный; тоже самое можетъ случиться и случается и съ другими договорами. Чрезъ эти договоры духовенство думаетъ устроить свою судьбу лучше, а

выходить еще хуже. Не рассчитывая на прочность и неизмѣнность договора, такъ какъ при новомъ старшинѣ, при новомъ сходѣ, при какомъ либо разногласіи причта съ вліятельнымъ лицомъ прихода, при перемѣщеніи священника договоръ легко можетъ разстроиться, духовенство въ началѣ каждаго года становится въ затрудненіе, брать ли что либо за требы, или нѣтъ, ѣздить ли за сборами, или нѣтъ. Если ничего не брать, основываясь на сдѣланномъ условіи, то духовенство рискуетъ остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни, при отмѣнѣ договора, когда соберется сходъ. Если же, не полагаясь по какимъ либо обстоятельствамъ и признакамъ на прочность и продолжительность договора, духовенство начнетъ дѣлать сборы, то легко навлечетъ на себя неудовольствіе прихожанъ и разные упреки въ томъ, что оно хочетъ получать за все вдвое и жалованье и плату за требы,—что для духовенства желательнѣе и выгоднѣе разные мелкіе поборы, чѣмъ положенное жалованье, что съ нимъ нельзя заключать никакихъ договоровъ, что его ничѣмъ неудовольствуешь и проч.

Несвоевременность выдачи условленнаго жалованья также представляетъ не малыя затрудненія для духовенства. При заключеніи поименованныхъ договоровъ, жалованье причту полагается не очень большое, — духовенство за большимъ не гонится, — и своевременная выдача его, значитъ, получаетъ особенное значеніе, иначе жить нечѣмъ; чиновникъ ждетъ 20-го числа каждаго мѣсяца, какъ особеннаго дня; потому что къ этому дню уже истощаются его средства и онъ такъ и рассчитываетъ, что 20 числа по-

лучить жалованье. Если бы почему-либо случилось, что жалованья не выдали ему, то онъ вынужденъ бываетъ прибѣгать къ займамъ или забирать жизненные припасы въ долгъ. Тоже самое должно быть и съ членами причта, если условленное жалованье не выдается имъ своевременно. Между тѣмъ, по свидѣтельству опыта, выдача ему жалованья рѣдко производится аккуратно. Старшина и писарь получаютъ жалованье первѣе всего; потомъ удовлетворяются другія нужды, а причтъ подожди, — у поповъ и такъ много денегъ. Какъ это ни непріятно и ни тяжело, однакожъ неизвѣстность выдачи еще непріятнѣе и тяжелѣе. Приходится ходить въ волость, справляться о времени выдачи и просить. Трудно опредѣлить, что непріятнѣе и тяжелѣе для духовенства — брать ли плату за требы, или получать такимъ способомъ жалованье.

Если плата за требы и разные поборы, какъ средства обезпеченія духовенства, не желательны для него, такъ какъ они унижаютъ его и не соотвѣтствуютъ его сану и положенію, то всякій другой способъ, какимъ хотятъ замѣнить прежній порядокъ, долженъ быть опредѣленъ и обусловленъ какими либо положительными законодательными мѣрами; иначе вопросъ объ обезпеченіи духовенства и о возвышеніи его вѣчно останется нерѣшеннымъ.

Воспоминанія ученика Нижнедомовскаго дух. училища за 1856—1860 годы.

Зданіе дух. училища въ Нижнемъ-Домовѣ я теперь еще цѣло, — зданіе деревянное, очень просторное и въ мое время

очень холодное. Учебный курсъ былъ въ немъ 6-лѣтній, подраздѣлявшійся на три отдѣленія: низшее, среднее и высшее. Завѣдывалъ тогда училищемъ смотритель, кандидатъ богословія, Иванъ Михайловичъ Покровский, — человекъ высокаго роста, серьезный; въ разговорѣ чрезвычайно медленный отъ заиканья; носилъ онъ сѣрую шинель съ длиннымъ капюшономъ; походка его была твердая и, можно сказать, величественная. По всему этому мы невольно питали къ смотрителю чувство уваженія, соединенное со страхомъ. Инспекторомъ былъ у насъ Евграфъ Сергѣевичъ Архипповъ, уже старичекъ, чуждый и даже не любящій претензій на какое бы то ни было щегольство: казинетовый, а иногда и просто нанжовый сюртукъ съ таковыми же панталонами, личные сапоги, черныя платокъ на шею и триковый картузь на головѣ — вотъ обыкновенный его костюмъ! Въ отношеніи къ ученикамъ въ противоположность смотрителю держалъ себя онъ чрезвычайно просто; бранился, обыкновенно, такъ: „экой бороноволохъ съ... сынъ!“ Сѣченіе тогда было во всей силѣ *). Смотритель сѣкъ рѣдко, но больно; инспекторъ часто, но слабо. Смотритель прибѣгалъ къ этому средству для наказанія только отзавлеченныхъ лѣнтяевъ и озорниковъ, и сѣкъ иногда даже чрезъ сторожей. Подвергнутый экзекуціи ученикъ сперва кричалъ, молилъ Ивана Михайловича, а потомъ уже неистовымъ голосомъ выкрикивалъ: „мать, пресвятая Богородица, Заступница усердная, мать — сыра земля“ и проч. Всѣ ученики въ это время сидѣли такъ смиренно, что полетъ мухи былъ

*) Нѣкоторые ученики исключительно занимались только сѣченіемъ. Они ходили на большую дорогу, гдѣ и рѣзали длинные березовые прутья на лозы. Особенно хорошія лозы приберегали къ смотрительской экзекуціи, а при инспекторѣ употреблялись самыя плохія. При другихъ учителяхъ плохая лоза не рѣдко обращалась на самого экзекутора.

слышенъ. Вздволнованный смотритель шагаль по классу, приговаривая тихо: „учись, не шали“... Высѣченный вставаль съ нервнымъ подергиваніемъ въ лицѣ и все продолжалъ молить Ивана Михайловича и божиться, что онъ „ей Богу не будетъ.“ Съ окончаніемъ экзекуціи прекращалось напряженное состояніе всего класса; смотритель, какъ бы самъ измученный подобной сценой, кончалъ классъ и уходилъ домой. Не таково было сѣченіе Евграфа Сергѣевича; онъ больше наказывалъ за незнаніе глагола *тупто*. Бывало вызоветъ ученика на средину класса, и если онъ хорошо отвѣтитъ, отпустить скоро; но если ученикъ дѣлаетъ ошибки, Евграфъ Сергѣевичъ воодушевляется, начинаетъ браниться и подзываетъ ученика къ своему століку. Теперь ошибки ученика не пройдутъ даромъ. Евграфъ Сергѣевичъ, сжавъ кулакъ, сперва грозитъ щиколками ударить ученика по головѣ и наконецъ ударяетъ; затѣмъ съ каждой ошибкой ученика, онъ удвоивалъ свою строгость и количество вопросовъ: ученикъ ошибся въ спряженіи, Е. С. заставитъ его проспрягать всѣ залого, ошибся въ склоненіи—проберетъ всѣ склоненія; а такъ какъ онъ спрашивалъ преимущественно учениковъ слабыхъ, то каждый спросъ и кончался экзекуціей. Для ученика сѣченіе было пріятнымъ финаломъ его тяжелыхъ испытаній: извольте переносить колотушки въ зебра и голову и усиленно работать мозгомъ, чтобы отвѣтить, въ виду цѣлаго класса, на сотни вопросовъ возбужденнаго учителя! Сѣченіе, говорю, прекращало подобную пытку, не причиняя даже боли наказуемому. Ученикъ шель къ задней стѣнѣ просторнаго класса, а Евграфъ Сергѣевичъ оставался за своимъ столікомъ. Экзекуторъ, ухарски размахнувшись лозой, начиналъ жарить по натянутой рубашкѣ, которую держалъ лѣвою рукой, или даже по верхней одеждѣ. Наказуемый

лежалъ смирно, безъ всякаго посторонняго принужденія и, приподнявъ слегка голову, барабанилъ по полу ногами и кричалъ: „Евграфъ Сергѣевичъ помилуйте!“ А Евграфъ Сергѣевичъ, постукивая пальцами по табакеркѣ, хладнокровно приговаривалъ: „я давно Евграфъ Сергѣевичъ, а ты учишь, мать съ отцемъ вѣдь тебя кормятъ.“ Хорошихъ учениковъ Евграфъ Сергѣевичъ никогда не спрашивалъ, а хорошими считались въ его мнѣніи тѣ, которые свѣдѣли ближе къ нему и подсказывали во все горло. Къ нимъ учитель обращался только въ исключительныхъ случаяхъ, при рѣшеніи болѣе трудныхъ вопросовъ; но за то ученики эти должны были отвѣчать на все сразу, не задумываясь; при малѣйшемъ замѣшательствѣ Евграфъ Сергѣевичъ могъ придратъ и наградить ученика еще большими колотушками въ наказаніе за то, что „ты, дескать, у меня слывешь хорошамъ ученикомъ, а на самомъ дѣлѣ не знаешь.“ Поэтому трудно было обмануть бдительность старика и желающіе быть въ его мнѣніи хорошими учениками должны были сдѣлаться таковыми на самомъ дѣлѣ. Для прочихъ учениковъ былъ чередъ отвѣчать уроки, а для первыхъ никогда: они должны были знать каждый урокъ, слѣдить за каждымъ словомъ перевода. Подсказываніе Евграфъ Сергѣевичъ любилъ и по нему судилъ о познаніяхъ учениковъ. Нерѣдко, впрочемъ, ученики злоупотребляли этимъ правомъ и кричали во время класса до такой степени, что загаушали другъ друга. Тогда Евграфъ Сергѣевичъ какъ будто осерчаетъ и крикветъ: „Чернозерскій на колѣни! Перовскій на половицу!“ но провинившіеся просили прощенія и получали его.

Лицепріятія не было у Евграфа Сергѣевича, но взрослыхъ учениковъ, неопратно одѣтыхъ и имѣвшихъ непріятную наружность, онъ чаще преслѣдовалъ своею бранью;

къ тому же они почти всегда были неисправными учениками. Вызывать, напримѣръ, ученика рябаго, великорослаго, съ прожженною полою у верхняго платья. „Ты чистый булочникъ, с... съ снѣтъ, гдѣ ты полу-то прожегъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „хозяйка взяла изъ печи чугуны моимъ пальтомъ и сожгла его.“— „А ты не хочешь прибрать своей одежи!“... „Что ты ротъ-то разинулъ, бороноволухъ эдакій, али у тебя басъ-то не вмѣщается во рту-то?“ кричитъ онъ на другаго ученика, пѣвшаго басомъ въ нашемъ хорѣ. Ходилъ и по квартирамъ нашъ инспекторъ, гдѣ преслѣдовалъ особенно табако-курение; виновныхъ билъ своею булавою, яблоною тростью. При случаѣ инспекторъ вызывалъ къ себѣ на домъ цѣлую квартиру учениковъ, чловѣкъ 30, перетаскать дрова съ мѣста на мѣсто, выколотъ огородъ, вымести дворъ. Послѣ праздниковъ Рождества Христова и Пасхи мы являлись къ смотрителю съ билетами, прилагая къ нимъ серебряный рубль, или окорокъ, или гуся; а къ инспектору съ серебрянымъ четвертакомъ. Нельзя сказать, чтобы эти взносы были обязательны, но священническіе дѣти или отцы всегда ихъ исполняли, а причетническіе — какъ хотѣли.

По русскому языку и пѣнію былъ у насъ учитель соборный священникъ Павелъ Васильевичъ Стефановскій: это былъ чловѣкъ вдовый, красивый, гордый. Его боялись больше самого смотрителя, особенно въ послѣбѣденные классы, когда онъ приходилъ выпивши. Онъ билъ учениковъ книгой по головѣ со всего размаха, рукою по щекѣ такъ, что всѣ четыре пальца ясно обозначались на лицѣ, билъ щелчкомъ по губамъ; но особенно не стерпима была боль, когда онъ бралъ за високъ и медленно поднималъ вверхъ. Ученикъ, молча сносившій всѣ удары, при послѣднемъ актѣ пенствова визжалъ, а учитель тихонько пригова-

риваль: „а ты не визжи, тебя, дурака, учать“. Въ концѣ концовъ ученика сѣкли и педагогъ переходилъ къ другому ученику. Нотное пѣніе было у насъ въ среднемъ отдѣленіи два раза въ недѣлю—по вторникамъ и пятницамъ. Не обладая способностію къ пѣнію, я не могъ выучить нѣсколько строкъ „всемирной славы,“—меня высѣкли; во 2-й классъ тоже; въ 3-й, 4-й и т. д. все тоже и тоже. Я ужь пересталъ и помышлять объ ученѣѣ,—наступалъ вторникъ или пятница, я готовился къ экзекуціи. Товарищи мои сперва дивились и смѣялись надо мной, а потомъ привыкли; привыкъ я и самъ: не чувствовалъ ни стыда, ни боли. При спросѣ учителя я говорилъ: „не умѣю“.—„Ступай на половицу,“—я шелъ и меня сѣкли. Въ продолженіе двухчасоваго класса я былъ уже спокоенъ и слушалъ, какъ пѣли мои товарищи. И что это было за пѣніе?—Испуганный ученикъ прерывающимся голосомъ пѣлъ такъ, что нельзя было разобрать ни темы, ни мелодіи, а сердитый учитель поощрялъ его колотушками. Нѣтъ—лучше быть высѣченнымъ, чѣмъ пѣть подобнымъ образомъ! Къ счастью я былъ свободенъ отъ щелчковъ и затрещинъ. Сѣкли меня въ среднемъ отдѣленіи 2 года по 2 раза въ недѣлю, въ высшемъ первый годъ по 1 разу въ недѣлю, а на другой годъ оставили сѣченіе, и я, не выученный пѣнію, но простѣченный до нельзя въ угоду старомодной педагогіи, перешелъ въ семинарію.

Любимымъ предметомъ у насъ была географія, благодаря разумному преподаванію священника женск. общины Якова Петровича Адигаевского. Множество собственныхъ именъ въ этомъ учебникѣ сначала испугало насъ, но Яковъ Петровичъ успокоилъ насъ, заставивъ сперва пріискать по картѣ и опредѣлить мѣстоположеніе рѣкъ, озеръ, городовъ и тогда уже учить наизусть. Помню, что, увлекшись географіей, я

совершенно забылъ арифметику, которую преподавалъ тотъ же учитель. Спрошенный какъ-то неожиданно, я спасовалъ на сложении простыхъ чиселъ. Удивленный учитель приказалъ меня высѣчь. Довольно знакомый съ этой процедурой, благодаря нѣкому пѣнію, привыкшій не чувствовать ни нравственнаго униженія, ни физической боли, я вдругъ почувствовалъ сильнѣйшую горестъ отъ мысли, что учитель, любившій меня за географію, вдругъ приказываетъ меня сѣчь за арифметику. Смущеніе мое было до того сильно, что когда подошелъ ко мнѣ дежурный ученикъ съ лозою,—я, страшась не столько физической боли, сколько нравственнаго униженія передъ любимымъ учителемъ, истерично зарыдалъ, замахалъ руками и закричалъ: „не буду лѣниться, буду учиться, простите, помилуйте.“ Учитель повѣрилъ мнѣ и отпустилъ безъ наказанія. Я принялся за арифметику; цѣлыя числа одолѣлъ скоро, но на дробяхъ запнулся. Учитель нашъ Яковъ Петровичъ, сумѣвшій насъ выучить географіи, по арифметикѣ, къ несчастію, придерживался общаго въ то время всѣмъ учителямъ приема: „отъ сихъ и до сихъ“; поэтому мы знали формальную сторону дѣла, а самой сути не понимали. Вызубришь, бывало, правило, какъ сложить дробь съ дробью, такъ и дѣлаешь. Изъ всѣхъ правилъ о дробяхъ особенно меня мучило дѣленіе дроби на дробь, гдѣ требовалось сказать, что нужно умножить числителя дѣлимой на знаменателя дѣлящей и числителя дѣлящей на знаменателя дѣлимой. Какъ я ни зубрилъ это правило, ни чего не могъ подѣлать: непременно перемѣшаю слова: дѣлимой и дѣлящей. Уразумѣлъ я сію тайну уже въ реторикѣ и объяснилъ мнѣ простой ученикъ изъ Пензенскаго училища Павелъ Алмазовъ. Вообще на методъ преподаванія нельзя было не жаловаться въ то время. Не лѣность и не невнимательность съ нашей сторо-

ны были причиною нашего невѣжества, а положительная невозможность узнать изъ учебника, безъ помощи учителя, то, что требовалось программой. Быстро объясненій насъ угощали колотушками и поркой. Самый страшный предметъ для большинства учениковъ былъ русскій языкъ. Зависимость падежей и предложеній была для нихъ *terra incognita*, да къ тому же и классы приходились на посѣбобденные часы. Ожиданіе и препровожденіе ихъ были для насъ истинной мукой.

Поступали къ намъ не надолго и молодые учителя, студенты семинаріи. На первыхъ порахъ они казались намъ очень хорошими, но, выведенные нашими шалостями и тупоуміемъ изъ терпѣнія, дѣлались еще хуже старыхъ. Одинъ, напримѣръ, учитель чуть не убилъ до смерти 12-ти лѣтняго мальчика, ударивъ его кулакомъ по головѣ; другой, забывъ всякую учтивость, самъ бросился чрезъ столъ къ шалуну-мальчику и, схвативъ его за волосы, вырвалъ ихъ съ половины головы до чистой плѣши.

Изъ ревизоровъ посѣтилъ насъ преосвященный Варлаамъ. Ожиданіе такого лица породило много суеты и хлопотъ. Видя тревогу учителей, мы ожидали себя чуть не смерти. Ни кто изъ насъ, разумѣется, еще ни разу не видѣлъ архіерея и наше воображеніе изощрялось представить его во всевозможныхъ видахъ. Когда мы увидали его идущимъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, то очень удивлялись тому, что онъ шелъ самъ, а не несли его какимъ-нибудь особеннымъ образомъ. Высокій ростъ преосвященнаго, строгій, пронзательный взглядъ, быстрыя, рѣшительныя манеры дѣлали его особу очень внушительной. Не успѣлъ я осмотрѣться, какъ преосвященный вызвалъ меня съ товарищемъ—отвѣчать по свящ. исторіи. Испуганный и взволнованный, я тѣмъ не менѣе бойко прочиталъ о

возвращеніи евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго, подъ предводительствомъ Заровавеля, по учебнику митр. Филарета. „А кто такой былъ Заровавель?“ спросилъ преосвященный; я не могъ сказать. „Мальчишъ не виноватъ, замѣтилъ владыка, ему надобно объяснять, экая безпечность!“ По окончаніи нашего экзамена говорилъ рѣчь товарищъ мой Лаврентій Григорьевъ (теперь докторъ). Рѣчь, сочиненная молодымъ учителемъ Θ. М. Жеренскимъ, была довольно длинная и вышла бы вполне хорошая, еслибъ нѣсколько не страдала отъ торопливаго выговора произносившаго ее ученика. По окончаніи испытаній въ низшихъ классахъ, ученики которыхъ были вызываемы въ наше отдѣленіе, на средину класса вышелъ ученикъ низшаго отдѣленія Е. У. (нынѣ преподаватель Пенз. д. семинаріи), мальчикъ маленький, очень симпатичный; онъ былъ бѣлъ и пѣжентъ, какъ младенецъ, взглядъ его живой, умный, но какъ будто пугливый. Преосвященный въ это время собиралъ уже списки и что-то говорилъ смотрителю, готовясь уходить. Е. У. стѣснился еще болѣе и устремилъ вопросительный взглядъ на близъ стоящихъ учителей, которые и сами не знали, что дѣлать—приказать говорить рѣчь, или оставить? Преосвященный Варлаамъ, замѣтивъ, что на срединѣ класса что-то происходитъ, быстрымъ и строгимъ взоромъ окинулъ весь классъ, но замѣтивъ Е. У., ласково спросилъ: „ты что дитя? или хочешь сказать намъ что-нибудь?“—говори, мы слушаемъ“ и, положивъ всѣ бумаги, сѣлъ и началъ внимательно слушать рѣчь. Эта рѣчь, составленная учителемъ Стефановскимъ, была удачнѣе первой не столько по поддержанію, сколько по произношенію. Воодушевившійся маленький ораторъ сверкалъ своими умными глазками и ясно отчеканивалъ каждое слово. Преосвященный былъ очень доволенъ, послѣ чего и оставилъ училище.

Изъ постороннихъ посѣтителей былъ у насъ Сергій Васильевичъ Керскій. (нынѣ членъ-ревизоръ учебн. комитета). Онъ приходилъ съ Иваномъ Михайловичемъ, почти всѣхъ насъ перецѣловалъ, внушая намъ любить и слушаться своего смотрителя. Мы тогда слышали, что С. В. назначали тоже куда-то въ смотрители и завидовали тому училищу, что оно будетъ имѣть такого ласковаго и добраго начальника.

А. — овъ.

(Окончаніе будетъ).

Сказаніе раскольника поморской секты Ивана Герофеева, записанное со словъ его, о крестѣ, на которомъ былъ распятъ Спаситель или, говоря словами самого раскольника, „сказаніе отъ старчества о крестѣ Иисусъ Христовѣ“.

Когда Господь сотворилъ первыхъ людей, Адама и Евву, и поселилъ ихъ въ прекрасномъ раю, на самомъ пупѣ земли; въ это время діаволь сатана съ своими полчищами велъ сильную войну противъ Бога Саваога. На войнѣ предводительствовалъ истинный Христосъ, а сражался противъ сатаны Архангелъ Гавріиль съ ангелы. Сатана былъ побѣжденъ, свергнутъ съ небесъ на землю. На землѣ сталъ онъ жить и ходить въ образѣ звѣриномъ т. е. змѣиномъ. Однажды онъ, обходя землю, увидѣлъ прекрасный рай, а въ раю Адама и Евву, наслаждающихся райскою жизнію. И стало сему звѣрю завидно, что они ведутъ жизнь райскую, а онъ, діаволь, нища себѣ покоя, нигдѣ его не обрѣтаетъ; а потому и задумалъ совратить ихъ въ свою вѣру, сирѣчь—отвратить ихъ отъ Бога и присовокупить къ себѣ. Сталъ онъ съ ними разговаривать, какъ змій, ласково и

прелестно, и прелестію своею оны склонили ихъ преступить заповѣдь Божию, т. е. вкусить плода отъ запрещеннаго древа. По вкушеніи отъ плода, Адамъ и Ева отъ наготы своей почувствовали стыдъ и были изгнаны изъ рая; а къ самому раю приставленъ былъ карауль. По изгнаніи изъ рая, у Адама и Евы родился сынъ Каинъ, а потомъ Авель. Каинъ по злобѣ своей убилъ меньшаго брата Авеля. Авель мертвымъ лежалъ долгое время, можетъ быть, лѣтъ 10-ть, 20, или болѣе. Въ это время ни червь его ѣлъ, ни тля его тлила. Между прочимъ отъ Адама съ Еввой рождались другія дѣти. Хотя и много отъ Адама и Евы родилось другихъ дѣтей; но все-таки имъ было жалко Авеля; а потому они часто ходили въ пустыню навѣщать его (Авель лежалъ въ пустынѣ). Въ одно время, когда они пришли къ Авелю, невдалекѣ отъ него увидѣли дивное видѣніе. Прилетѣли двѣ пустынные горлицы и стали промежъ себя драться, и одна изъ нихъ другую убила, а потомъ выкопала ямку и закопала убитую въ землю. Адамъ съ Еввою долго смотрѣли на сіе видѣніе, потомъ, воротившись домой, рассказали своему семейству. (Въ это время у Адама было большое семейство, даже были и внучата). „Ну, что дѣти и внучата, вотъ мы видѣли съ матерію предивное видѣніе (тутъ рассказали они о томъ видѣніи), не сдѣлать ли и намъ тоже съ Авелемъ?“—Что же, отче Адаміе, отвѣчали дѣти, чѣмъ вамъ съ матушкой ходить каждый разъ, плакать и горевать, лучше его зарыть въ землю, буде и самое видѣніе на сіе указываетъ. И такъ, значитъ, всѣ сообща порѣшили предать Авеля землѣ. На другой день Адамъ и Ева со всѣмъ семействомъ, съ плачемъ и горькими слезами, отправились въ ту самую пустыню, гдѣ лежалъ убитый Авель, предавать его землѣ. Идутъ дорогой, встрѣчается имъ діаволь, который уже тогда хо-

диль въ образѣ человѣческомъ, и спрашиваетъ Адама: „Адаміе и Ево, куда грядете?—Адамъ отвѣчаетъ: грядемъ въ пустыню предавать своего мертваго сына землѣ. Нѣтъ, отвѣчаетъ діаволъ, я вамъ рыть свою землю не дамъ,—земля моя. Адамъ ему отвѣчаетъ: какъ-же такъ? мы вотъ видѣли такое видѣніе... (Слѣдуетъ опять разсказъ видѣнія). Ну, что хочешь, а я все-таки не дамъ тебѣ рыть свою землю. Адамъ остановился, а діаволъ ему и говоритъ: Адаміе, ты вотъ что лучше сдѣлай,—отдай мнѣ своего мертваго сына и прочихъ дѣтей, которые будутъ умирать, я ихъ самъ буду убирать въ землю. Адамъ обратился къ семейству и сказалъ, что мати Ево и дѣти, и въ самомъ дѣлѣ, мертвые намъ не нужны, и чѣмъ намъ самимъ трудиться, лучше ихъ отдать діаволу, пусть онъ ихъ убираетъ. Дѣти согласились, а діаволъ ему паки говоритъ: нѣтъ, Адаміе, хотя ты ихъ и отдаешь мнѣ, а я все-таки ихъ такъ не возьму, давай заключимъ условіе. Адамъ и на это согласился. Діаволъ привелъ Адама къ морю и говоритъ ему: ну, Адаміе, говори за мной (діаволъ диктуетъ Адаму): я, Адаміе, твореніе по образу и по подобию Божію, предаю своего мертваго сына Авеля, а равно и прочихъ дѣтей, которые будутъ умирать, діаволу съ тѣмъ, чтобы онъ мертвыхъ убиралъ въ свою землю. Послѣ этого діаволъ говоритъ: надо къ условію приложить печать. Адамъ согласился. Діаволъ обмакнулъ свою руку въ море и приложилъ на челѣ Адамли печать,—отъ чего стало видно, что Адамъ предалъ своихъ мертвыхъ дѣтей и все свое потомство діаволу. Эту печать никакъ и ничѣмъ не возможно было ни смыть, ни изгладить. Проживши около тысячи лѣтъ, Адамъ занемогъ головою болѣзнію и ради болѣзни послалъ старшаго своего сына, (не Кавна, такъ какъ Каина, послѣ убійства, Адамъ отдѣлилъ и съ нимъ не жилъ, а другого—

Сифа), въ рай за лекарствомъ. Сынъ простоялъ около рая двое сутокъ; такъ какъ райскіе жители въ рай его не пускали; на третьи сутки его впустили, стали разспрашивать, чей онъ и зачѣмъ пришолъ къ нимъ. Сифъ отвѣчалъ, что онъ сынъ Адамовъ, послалъ его хворый отецъ спросить: нѣтъ ли у нихъ въ раю какогонибудь лекарства. Райскіе жители разспросили, чѣмъ онъ хвораетъ; Сифъ разсказалъ все подробно, и ему дали три зерна съ Певга, Кедра и Кипариса, и сказали, что эти зерна излечать Адамову болѣзнь и всю заразу у его потомковъ. Пришедши домой, Сифъ не засталъ Адама въ живыхъ и сталъ думать, куда бы ему эти зерна дѣть. Тутъ мати Евво и возговорила: пресладкое мое чадо Сифе! положи эти райскія три зерна вмѣстѣ съ отцемъ въ могилу. И сотвори Сифъ по глаголу своея матери. И положена быша сіи три зерна, отъ Певга, Кедра и Кипариса, въ ровъ преисподнемъ на главѣ праотца Адамія, якоже глаголетъ писаніе. *). Въ послѣднія времена сіи три зерна прозябоша и произрастивша древо веліе, кое развѣтвилось на трое. Подъ симъ деревомъ Авраамъ принималъ трехъ Ангеловъ; съ сего дерева рублены были дрова для всесожженія Исаака, на семъ деревѣ птицы райскія распѣвали хвалу Ангельскую. И стояло это древо до временъ премудраго царя Соломона. Премудрый царь Соломонъ вздумалъ строить предивный и преизящный храмъ во имя святая святыхъ; во время строенія храма онъ какъ по своему царству, такъ и по прочимъ сдѣлалъ приглашеніе къ пожертвованіямъ. Цари и вельможи прислалцъ въ церковное построеніе отъ своего избытка золото, серебро и прочія драгоценности, а бѣднѣе

*) На вопросъ: гдѣ и въ какомъ мѣстѣ говорить объ этомъ писаніи, Іерофеевъ отвѣчалъ: я человекъ неграмотный, объ этомъ хорошенько не знаю, а только слышалъ отъ старцевъ; а, должно быть, нѣтъ ли въ Библии или большомъ катехизисѣ?..

люди жертвовали, кто что могъ. Одинъ бѣдный мужичекъ, не имѣя богатой жертвы, срубилъ это дерево въ пользу церковную и привезъ къ строящемуся храму. Строители, посмотрѣвъ на это дерево, усмѣхнулись надъ бѣднякомъ и сказали ему: развѣ не было въ лѣсу хуже-то сего дерева, ты бы лучше приѣзъ хотъ осиновое да прямое, а это дерево для стройки не удобное; ну, да дѣлать нечего, свали подалше, можетъ быть, на что и пойдетъ. Бѣдный человекъ такъ и сдѣлалъ. Храмъ выстроили и всякими драгоценностями украсили, а дерево осталось нетронутымъ. Потомъ премудрый царь Соломонъ приказалъ сдѣлать вѣнчикъ какъ по своему царству, такъ и по прочимъ царствамъ, что-де въ такое-то время будетъ освященіе, а царямъ и королямъ послалъ письма, въ коихъ просилъ ихъ прибыть на освященіе. Готовясь къ освященію, царь Соломонъ далъ приказъ своимъ скорописцамъ, чтобы они за всѣми иностранцами подслушивали, кто что будетъ говорить, и все это записывали бы въ книги. Наступилъ день освященія; съѣхались иностранные цари и царицы, и по обыкновенію, какъ и слѣдуетъ, пошли кругомъ церкви. Въ это время премудрая и прекрасная южская царица, увидя въ отрубкахъ и щепкахъ, недалеко отъ церкви, ненужное и бросовое дерево возговорила: „Оtreблаженное дерево; на тебѣ распнется Царь и Господь“. Кончилось освященіе; цари и царицы разѣхались; а царь Соломонъ сталъ разсматривать скорописцевъ книги, и видя въ оныхъ прореченіе о древѣ премудрой южской царицы, пожелалъ осмотрѣть его. Осмотрѣвши дерево, задумался и говорить, какъ же это можетъ быть, чтобы на немъ распялся Царь и Господь; этого нельзя думать, а между прочимъ все-таки приказалъ сіе сокрыть. Сокрыли дерево въ землю въ потаенномъ мѣстѣ, неподалеку отъ церкви. По смерти Соломона открылся на

семь мѣстѣ родникъ, который названъ былъ Силоамскою купелью, и вода мало по-малу стала отмывать это древо. И вотъ, когда сталъ по землѣ ходить истинный Христосъ и сталъ обличать беззаконныхъ іудеевъ, въ то время уже вода древо сіе совершенно вымыла; и лежало это древо у всѣхъ на виду. Отъ сего древа происходили разные исцѣленія *). Далѣе—продолжалъ Іерофеевъ,—когда іудеи взяли истиннаго Христа на распятіе и стали ему готовить крестъ, промежду ихъ произошло смятеніе; иные говорили, что крестъ надо сдѣлать изъ дуба, иные изъ осины и много деревъ перебрали, но согласіе между ними не послѣдовало. Тутъ выходитъ на средину старецъ Каіафа съ архіереемъ Анявою и говоритъ: почтенные старцы и честные іудеи! послушайте нашу рѣчь: есть въ купели Силоамской претяжелое древо, лежить оно съ кѣихъ поръ, никто не запомнить, давайте вынемъ его и сдѣлаемъ изъ него крестъ! Совѣтъ старца Каіафы всѣ приняли; вынули древо, истесали и сдѣлали изъ него крестъ осьмиконечный, а царь Иродъ сдѣлалъ на немъ надпись еврейски, гречески, римски, т. е. по старопечатному Иисусъ, а не Іисусъ какъ нынѣ пишутъ, назорей царь іудейскій. Сдѣлавши крестъ и положивъ на рамена Христовы повели его на распятіе, на гору Голгофу; на горѣ вырыли яму, стали ставить крестъ, но крестъ не стоялъ; вырыли другую яму—тоже; можетъ быть, изрыли и много мѣста, но нигдѣ не могли утвердить креста. Наконецъ напали на то мѣсто, гдѣ былъ погребенъ Адамъ и надъ самой его головой утвердили крестъ и распяли истиннаго Христа. Вотъ тутъ то раздрыся, взглядыся и смѣся рукописавіе діавола на челѣ Адамовомъ истинною кровію Христовою, какъ глаголется въ книжѣ

*) На вопросъ: какія это были исцѣленія, раскольниковъ отвѣчалъ: какъ какія? Иди, сказано слѣпцу, въ купель Силоамскую, умойся, прозриши и здравъ будеши.

пророчествъ, и на что самое указываетъ осьмиконечный крестъ съ главою Адамлею, заключилъ Іерофей.

Сообщилъ свящ. с. Русскаго Качима Василій Ильминскій.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Назначенія на епископскія каюдры. Новое викаріатство. Преподавіе благословенія св. Синода. О прекращеніи злоупотребленій при сборахъ на храмы и монастыри. Изданіе новыхъ правилъ въ отношеніи раскольниковъ. Работы коммисіи по пересмотру порядка церковнаго хозяйства. Окончаніе занятій коммисіи по пересмотру академическаго устава. О допущеніи семинаристовъ въ университеты. Изученіе раскола въ дух. семинаріяхъ. Страхованіе церквей. Обезпеченіе церковно-приходскихъ школъ. Пособіе заштатному духовенству. Снятіе запрещенія съ вологодскихъ семинаристовъ.

Сокращеніе по дух. вѣдомству.

Высочайше утверждены: викарій с.-петербургской епархіи, еп. ладожскій Гермогенъ—епископомъ таврическимъ и семѣропольскимъ; викарій воронежской епархіи, еп. острогоскій Кириллъ—епископомъ чебоксарскимъ, викаріемъ казанской епархіи; ректоръ таврической дух. семинаріи, архим. Арсеній—епископомъ ладожскимъ первымъ викаріемъ с.-пет. еп.; ректоръ витебской дух. сем., архим. Анастасій—епископомъ Выборгскимъ, вторымъ викаріемъ той же епархіи; настоятель московскаго Спасо-Андроніева монастыря, архим. Сергій—епископомъ ковенскимъ, первымъ викаріемъ литовской епархіи.

Моск. Вѣд. сообщаетъ, что въ правительственныхъ сферахъ разсматривается предположеніе объ учрежденіи въ городѣ Измаилѣ православнаго викаріата.

—Преодано благословеніе св. Синода духовенству челябинскаго училищнаго округа (оренбургской еп.), во вниманіе къ примѣрной и постоянной попечительности о благоустроеніи училища, выразившейся въ изысканіи средствъ на постройку новаго училищнаго корпуса, свыше 35 т. р.

и въ ежегодномъ жертвованіи изъ собственности по 18 р. съ каждаго причта.

—Въ Св. Синодѣ въ настоящее время, по словамъ Моск. Вѣд., разсматривается вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію злоупотребленій сборомъ подаваній на монастыри и храмы. Съ этою цѣлію предполагается окончательно воспретить денежные сборы на монастыри и церкви посредствомъ разсылки монаховъ, монахинь и другихъ сборщиковъ въ разные города и села Россіи; сборъ же допускать только въ церквахъ съ надлежащаго разрѣшенія духовныхъ и мѣстныхъ городскихъ властей.

—Моск. Вѣд. сообщаютъ, что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ Об.-Прокуроромъ св. Синода, приступлено къ составленію болѣе точныхъ правилъ касательно производства обыска въ домахъ и моленныхъ раскольниковъ и отобранія книгъ, иконъ и др. богослужебныхъ принадлежностей. Изданіе новыхъ правилъ вызвано необходимостію отнять у исполнителей всякую возможность предьявлять къ раскольникамъ притязанія, лишенныя законнаго основанія.

—Церк. Общ. В. сообщаетъ слѣдующія, не лишенныя интереса, свѣдѣнія о работахъ комиссіи по пересмотру существующаго теперь порядка церковнаго хозяйства. Она, слышно, пришла къ заключенію, что настоящее положеніе церковнаго хозяйства, находящагося въ непосредственномъ завѣдываніи церковныхъ старостъ, обнаруживаетъ столько злоупотребленій и рисуется такими неприглядными сторонами, что оставлять его въ настоящемъ положеніи рѣшительно не возможно. По свѣдѣніямъ, собраннымъ комиссіей, оказывается, что старостъ, дѣйствительно пекущихся о пользѣ храмовъ, весьма немного, большинство считаютъ капиталы церкви какъ бы своими капиталами, расходуютъ

нихъ по произволу, пускаютъ въ обороты, а церковныя имущества сдаютъ въ аренду своимъ родственникамъ за безцѣнокъ. Попасть на мѣста старостъ желающихъ всегда является бездна. Существующіе въ большихъ приходахъ подстаросты изъ нищихъ дѣлаются капиталистами.

—Состоящая при св. Синодѣ коммиссія по пересмотру устава духов. академій закончила свои занятія. Составленный коммиссіею новый проектъ устава дух. академій, по слухамъ, переданъ будетъ въ скоромъ времени на обсужденіе Св. Синода и нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ.

—Голосъ слышалъ, что коммиссія по пересмотру устава дух. академій возбудила вопросъ объ отмѣнѣ постановленія 20 марта 1879 г. относительно недопущенія воспитанниковъ дух. семинарій къ поступленію въ университеты. Эта стѣснительная мѣра по отношенію къ семинаристамъ имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что академіи нынѣ совершенно искусственно переполнены весьма значительнымъ числомъ учащихся, такъ какъ для воспитанниковъ духовн. семинарій, желающихъ получить высшее образованіе, остается нынѣ только одинъ исходъ—поступленіе въ дух. академію. Повидимому, и министерство нар. просвѣщенія не встрѣчаетъ уже препятствій къ отмѣнѣ запрещенія принимать семинаристовъ въ университеты. Нужно замѣтить, что еще въ 1881 г. вопросъ этотъ уже обсуждался въ министерствѣ въ благопріятномъ смыслѣ; но, по особымъ обстоятельствамъ, рѣшеніе вопроса отложено было на нѣкоторое время.—Къ этому извѣстію и духовная и свѣтская печать отнеслась весьма сочувственно. „Новости“, признавъ распоряженіе 20 марта несостоятельнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчаетъ: не одни семинаристы встрѣтятъ, полагаемъ, сочувственно извѣстіе, что коммиссія,

учрежденная для пересмотра устава дух. академій, возбудила вопросъ объ отмѣнѣ этого постановленія... Отмѣна стѣсненій, постигшихъ семинаристовъ, будетъ явленіемъ весьма отраднымъ.

—Голосъ сообщаетъ, что Св.Синодъ, въ видахъ ознаменія воспитанниковъ дух. семинарій съ исторіей и ученіемъ различныхъ сектъ, противныхъ православной церкви, и для преподаванія практическаго метода собесѣдованія съ сектантами и старообрядцами, сзавоченъ учрежденіемъ при дух. семинаріяхъ особыхъ классовъ для изученія раскола, во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ оказывается къ тому возможность.—Вліяніе православнаго духовенства на сектантовъ и старообрядцевъ обуславливается не столько изученіемъ старообрядчества и сектантства во всѣхъ его видахъ, замѣчаетъ означенная газета, сколько нравственнымъ уровнемъ нашихъ священниковъ, добросовѣстнымъ управленіемъ ими приходскихъ требъ и совершенія богослуженія съ строгимъ соблюденіемъ церковнаго устава.—И то и другое нужно, конечно.

—Екатеринославское губернское земство, по словамъ Голоса, возбудило ходатайство объ обязательномъ страхованіи церквей на счетъ церковныхъ суммъ, такъ какъ, въ случаѣ пожара, прихожане могутъ остаться безъ храма. До разрѣшенія этого ходатайства, собраніе, въ виду указа Правительствующаго Сената, отмѣнивашаго обязательное страхованіе церквей, поручило управѣ, чрезъ волостныя правленія, склонить сельскія общества къ добровольному страхованію въ губернскомъ земствѣ ихъ храмовъ.

—На дняхъ въ комитетѣ министровъ будетъ разсматриваться вопросъ о необходимости изысканія способовъ къ постановкѣ въ болѣе обеспеченное положеніе церковно-приходскихъ школъ.

— Св. Синодъ, по словамъ „Русск. Вѣд.“, ассигноваль 31,472 р. на единовременное пособіе заштатному городскому и сельскому духовенству, и, кромѣ того, возбудилъ вопросъ объ улучшеніи вообще быта заштатнаго духовенства; обсужденіе этого вопроса поручено Синодомъ мѣстнымъ дух. консисторіямъ.

— На основаніи Высочайшаго повелѣнія 30 сентября 1875 г. воспитанникамъ вологодской дух. семинаріи былъ воспрещенъ доступъ къ высшему образованію. По словамъ „Русск. Вѣд.“, оберъ-прокуроръ св. Синода увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что, по его мнѣнію, нынѣ представляется своевременнымъ открыть воспитанникамъ означенной семинаріи доступъ къ высшему образованію, въ виду того, что при двукратной ревизіи ея членами комитета при св. Синодѣ общее направленіе обученія и воспитанія признано вполне удовлетворительнымъ.

— Предпринятое правительствомъ въ нынѣшнемъ году необходимое сокращеніе государственныхъ расходовъ коснулось отчасти и дух. вѣдомства. По сообщенію „Страны“, на содержаніе лавръ и монастырей въ нынѣшнемъ году назначено, вмѣсто прежнихъ 424,786 р., только 411,742 р., т. е. на 13,044 р. менѣе.

Редакторы, преподаватели семинарій: (А. Поповъ.
(Н. Смирновъ.